

Ольга Руби

Миа Тарр

Музыку заказываю я,

БОСС

**Ольга Риви
Лиана Таур**

Музыку заказываю я, Босс

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73131003*

Аннотация

Он сказал, что дирижёр. Оказалось – её новый босс. Она спрятала его в шкафу. А он в ответ дал ей самый скучный проект в её карьере. Ироничная и лёгкая история о том, как одна случайная встреча может привести к служебному роману, полному остроумных перепалок, тайных встреч и одного очень важного вопроса: кто же в итоге будет заказывать музыку?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	40
Глава 7	54
Глава 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ольга Риви, Лиа Таур

Музыку заказываю я, Босс!

Глава 1

Пятница – мой личный сорт антидепрессанта, который легально отпускают раз в неделю. А пятница, в которую твоя лучшая подруга наконец-то получает долгожданное повышение, – это двойная доза. Ленка, наш свежееиспечённый ведущий маркетолог, буквально светилась, и это событие требовало немедленных жертв. В нашем случае жертв в виде печени и остатков самоуважения, которые мы собирались принести на алтарь караоке-бара «Санчес».

Мигающие неоновые огни превращали обычных людей в загадочных персонажей с синими и розовыми лицами, делая мир чуть более весёлым и чуть менее реальным. Идеальное убежище, чтобы забыть о рабочих дедлайнах и о том, что в понедельник мне снова придётся рисовать рекламные баннеры для «самого инновационного продукта на рынке» – очередного вида майонеза с «уникальным» вкусом укропа.

– За Ленку! – прокричала Света, наша вечная оптимистка, легко перекрывая грохот музыки. – За то, чтобы её гениальные идеи наконец-то перестали присваивать бездарные начальники!

– За это надо пить стоя и до дна! – поддержала её Оля, наша рассудительная юристка, и, как ни странно, первой поднялась с бокалом. Мы немедленно последовали её примеру, с энтузиазмом чокнулись бокалами с дешёвым игристым и осушили их в три глотка.

Вечер катился по идеально смазанным рельсам: бессмысленные, но душевные тосты, яростные сплетни про коллег из соседних отделов и поедание картошки фри в промышленных масштабах. И всё было бы просто прекрасно, если бы Свете в её светлую голову не ударила шальная, игривая мысль.

– Я спою! – заявила она с блеском фанатика в глазах, который обычно появляется у людей перед совершением большой ошибки. – За Ленку. И за любовь во всём мире!

О, нет. Только не это. Святая Уитни Хьюстон, мы опять идём к вам.

Через пять минут весь зал стал невольным свидетелем того, как наша хрупкая блондинка Света, воодушевлённая двумя бокалами просекко, пытается взять ту самую, легендарную ноту. «And I...» – надрывалась она, стремительно краснея, а на шее вздувались вены, словно она толкала грузовик. Получалось нечто среднее между криком раненой чайки и сигналом неисправной пожарной тревоги. Зал, поначалу сочувствующий, начал тихо давиться смешками. Ленка картинно спрятала лицо в ладонях. Оля сделала вид, что невероятно увлечена изучением пятен на скатерти. Я поняла –

пора спасти рядового Светлану.

Я подскочила к сцене и на середине очередного душераздирающего «А-а-а-а-ай» элегантно выхватила у неё микрофон.

– Секундочку, – объявила я на весь зал. – Просим прощения за технические неполадки. У нашей солистки временно сел аккумулятор. Но шоу должно продолжаться!

Света посмотрела на меня с благодарностью утопающего, которому кинули не круг, а целый надувной матрас. Я подмигнула ей и повернулась к удивлённому залу. Музыка продолжала играть, и я, не найдя ничего лучше, подхватила песню, но в своей неповторимой манере. Вместо того чтобы тянуть ноты, которых у меня отродясь не было, я начала чеканить слова, как в рэп-баттле, картинно заламывая руки и строя трагические гримасы. Я не пыталась петь хорошо. Я пыталась устроить комедию. И, судя по тому, как зал, опомнившись, взорвался хохотом и аплодисментами, у меня получилось.

Когда я, отвесив шутовской поклон, вернулась за столик, подруги смотрели на меня с одинаковой смесью ужаса и восхищения.

– Егорова, ты ненормальная, – с чувством констатировала Ленка, отодвигая ладони от лица.

– Зато никто не плакал, – парировала я, залпом допивая остатки игристого. – Кроме души Уитни Хьюстон.

И тут к нашему столику подошли они. Компания из трёх

мужчин, которые выглядели в этом баре так, будто по ошибке припарковали свою яхту в Бирюлёво. Дорогие часы, идеально сидящие рубашки без галстуков, аура спокойной уверенности, которая бывает только у тех, кто привык, что мир вращается вокруг них. Один из них, самый высокий, с тёмными, слегка взъерошенными волосами и насмешливой искрой в глазах, остановился прямо напротив меня.

– Вы только что спасли Уитни Хьюстон от посмертного позора. А заодно и барабанные перепонки всех присутствующих. За это стоит выпить.

Я окинула его оценивающим взглядом. Красив. Дьявольски красив, если быть до конца честной с собой. Но я уже давно выработала стойкий иммунитет к красивым мужчинам с заготовленными комплиментами.

– Боюсь, её репертуар уже ничто не спасёт после того, как по нему прошла половина караоке-баров мира, – фыркнула я. – Но за заботу о моих ушах спасибо.

Он не смутился ни на грамм. Усмешка в уголках губ стала шире.

– У вас определённо талант – превращать катастрофу в шоу.

– Это мой профессиональный навык, – легкомысленно бросила я, делая вид, что он меня совсем не впечатлил. – Я графический дизайнер. Я каждый день превращаю хаос из правок заказчика в красивую картинку. А вы чем занимаетесь в свободное от спасения девушек время?

Он на секунду задумался, словно примеряя на себя разные ответы.

– Я... дирижёр. Управляю большим и не всегда слаженным оркестром.

– Хор имени Пятницкого? – съязвила я, решив поддержать игру.

Он рассмеялся. Не усмехнулся, а бессовестно, глубоким, бархатным смехом, от которого у меня что-то предательски ёкнуло внутри. Мой внутренний циник поперхнулся и на время заткнулся.

– Почти. Только мои музыканты играют не на скрипках, а на нервах друг друга.

Его звали Максим. Или просто Макс, как он представился через минуту. Его друзья, на удивление приятные и без лишнего пафоса, быстро нашли общий язык с моими подругами, а мы с ним оказались в каком-то своём, отдельном пузыре реальности. Он не пытался произвести впечатление, не сыпал банальными комплиментами. Он просто разговаривал. Мы спорили о фильмах Тарантино, смеялись над его «оркестром» и моими «хаотичными картинками». Он оказался умным, ироничным и на удивление лёгким в общении. В какой-то момент мы, подстрекаемые подругами, оказались на сцене вместе и, давась от смеха, фальшиво орали что-то безнадёжно-попсовое из девяностых про тополиный пух. Я не чувствовала себя так свободно и пьяно – и дело было уже не только в алкоголе.

Когда в зале наконец зажгли безжалостный верхний свет и хриплый голос охранника объявил, что «банкет окончен», я с удивлением поняла, что совершенно не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

– Поехали ко мне? – предложил Макс, когда мы вышли на прохладную ночную улицу. Его голос звучал тихо и почти серьёзно, без тени шутки.

В моей голове со скоростью света пронеслись все разумные доводы «против». Незнакомец. Первое, чёрт возьми, свидание. Я не такая, я жду трамвая. Но потом я посмотрела на него, на его растрепавшиеся от нашего «выступления» волосы и всё ту же тёплую усмешку, и все доводы испарились, как дым. Однако инстинкт самосохранения ещё подавал признаки жизни.

– К тебе – это куда? На другой конец Москвы в твою башню из слоновой кости? – я театрально пошатнулась, изображая вселенскую усталость. – Нет, мой аккумулятор тоже садится. Давай лучше ко мне. Я живу буквально в соседнем доме. У меня, конечно, нет оркестровой ямы, но есть уютный балкон и остатки виски со льдом.

Он снова рассмеялся, мягко подхватывая меня под руку, не давая по-настоящему упасть.

– На балкон и виски со льдом я согласен. Веди, дизайнер. Преврати эту ночь в ещё одну красивую картинку.

И мы пошли по гулкой пустой улице, держась друг за друга, чтобы не споткнуться, и смеясь над какой-то ерундой.

Вечер обещал продолжение лёгкого, «правильного» веселья. Ах, как же я ошибалась. Вернее, не совсем. Весело-то было, это уж точно. Но вот насчёт «правильного»... с этим возникли о-о-очень большие проблемы.

Глава 2

Двери старого, дребезжащего лифта с черепашьей скоростью поползли навстречу друг другу, отрезая нас от гула ночного города. Мы остались в маленькой, тускло освещённой коробке. Мы стояли так близко, что я чувствовала тепло его тела даже через тонкую ткань платья. Голову приятно кружил коктейль из усталости, шампанского и пьянящего чувства лёгкой авантюры.

Макс медленно повернулся ко мне. В полумраке его глаза казались почти чёрными, и он смотрел так, будто пытался прочитать инструкцию к очень сложному, но интересному прибору.

– У тебя талант превращать любую катастрофу в шоу, – тихо сказал он, и его голос был низким и немного хриплым.

– О, я и в спокойном состоянии ничего, – хмыкнула я, отчаянно цепляясь за остатки своей фирменной иронии. Получилось не очень убедительно, голос предательски дрогнул.

Он усмехнулся, заметив мою слабость, и плавно наклонился, сокращая последние сантиметры между нами. Сердце попыталось забиться бвстро, но махнуло на нас рукой. Вот оно. Момент, которого я одновременно и ждала, и боялась. Но мой внутренний страж порядка, который, к счастью, никогда не пьянеет, вскинул руку, выставляя заслон. Я мягко приложила палец к его губам, прерывая манёвр на полпути.

– Полегче дирижёр, не торопите оркестр, – мой голос прозвучал на удивление твёрдо. – До увертюры ещё нужно дожить.

Макс на секунду замер, а потом медленно отстранился. В его взгляде промелькнуло не разочарование, а скорее удивлённое уважение. Он снова рассмеялся, тихо, но так заразительно, что тесная кабина лифта сразу стала уютнее.

– Принято, – кивнул он. – Ведите, маэстро.

Лифт содрогнулся в последний раз и со скрипом остановился на моём этаже. Я провернула ключ в замке, и мы буквально ввалились в прихожую. Точнее, ввалился он, а я, как истинная хозяйка, решила немедленно продемонстрировать гостю все особенности своей квартиры. Моя нога зацепилась за собственный кед, сиротливо брошенный посреди коридора, и я с грацией подстреленной лани полетела вперёд. Мягкий пушистый ковёр с радостью принял меня в свои объятия.

Хохот вырвался у нас одновременно – громкий, искренний и абсолютно неудержимый. Я лежала на спине и смеялась до слёз, а Макс, нависая надо мной, смеялся так, что я чувствовала вибрацию его груди. Он протянул мне руку и одним движением рывком поставил на ноги. Наши лица оказались в опасной близости. Смех затих, сменившись густым, как кисель, напряжением. Его взгляд снова стал серьёзным, в нём плескался немой вопрос, а я... я вдруг поняла, что батарейка моего внутреннего циника окончательно и беспово-

ротом сдохла.

Но в этот момент вселенская усталость, помноженная на выпитый алкоголь, решила, что романтики на сегодня достаточно. Веки налились свинцом, а ноги внезапно превратились в вату.

– Мне... мне срочно нужен диван, – пробормотала я, с трудом отстраняясь и, шатаясь, двинулась в сторону гостиной.

Последнее, что я помню, – это спасительная мягкость подушек и блаженное чувство, что можно наконец принять горизонтальное положение. Кажется, я собиралась предложить ему тот самый обещанный виски со льдом, но мой организм решил, что сон самый крепкий и желанный напиток из всех. Я отключилась.

Пробуждение было жестоким. Меня вырвал из небытия звук, который мог бы стать официальным саундтреком Судного дня. Звонок в дверь. Резкий, настойчивый, похожий на работу перфоратора у соседа-энтузиаста в семь утра. Голова гудела, как набатный колокол. Я с трудом разлепила глаза. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь неплотно задёрнутые шторы, был невыносимо ярким. Суббота. Точно, суббота. Десять утра.

И тут память, как старый, несмазанный механизм, со скрипом провернулась, и холодный ужас пробежал по спине. Антонина Петровна. Хозяйка квартиры. Женщина старой закалки, с рентгеновским зрением и убеждением, что

все квартироръёмщики только и мечтают, как бы тайно завести двенадцать кошек и разводить в ванной опарышей. Она предупредила, что зайдёт ровно в десять, чтобы забрать «оригиналы платёжек по коммуналке за последние полгода». Я, конечно же, мило улыбалась и клялась, что всё будет готово.

Паника начала медленно окутывать меня липкой паутиной. Я села на диване, и мой взгляд зацепился за них. Мужские ботинки. Дорогие, идеально начищенные, абсолютно чужеродные в моей прихожей. Мой взгляд метнулся дальше и наткнулся на Макса. Мой вчерашний «дирижёр» спал, неудобно свернувшись на узкой банкетке в коридоре, так и не сняв рубашку и джинсы. Он выглядел до смешного беззащитным и совершенно неуместным. Как слон на тазике.

Звонок прозвучал снова, на этот раз ещё более требовательно, почти истерично. Паника превратилась в цунами.

На цыпочках я подлетела к нему и начала лихорадочно трясти за плечо.

– Тревога! Макс проснись! – зашипела я ему прямо в ухо, как змея. – Подъём! Прячься!

Макс недовольно промычал и попытался отмахнуться от меня, как от назойливой мухи.

– Какой человек? – сонно пробормотал он, не открывая глаз. – Я дирижёр...

– Сейчас из тебя сделают барабан Страдивари, если ты немедленно не встанешь! – прошипела я, вкладывая в свой

шёпот всю ярость и отчаяние. – Хозяйка квартиры пришла! В шкаф, живо!

Последняя фраза подействовала. Он рывком сел и непонимающе уставился на меня. В его глазах плескался такой густой похмельный туман, что я поняла, объяснять бесполезно. Схватив его за руку, я потащила сонного, помятого мужчину в свою спальню, к единственному надёжному укрытию, огромному встроенному шкафу-купе.

– Пожар? Наводнение? – пытался выяснить он, спотыкаясь о ковёр.

– Хуже! Инспекция! – Я распахнула дверцу шкафа, явив миру коллекцию своих платьев. – Залезай! Быстро!

Он посмотрел на меня, потом на тёмное нутро шкафа, и в его взгляде наконец промелькнуло осмысленное выражение и крайнее изумление. Но звонок, затрезвонивший в третий раз с настойчивостью дятла, не оставил ему выбора. Он, нелепо пригнувшись, полез внутрь, путаясь в подолах и вешалках.

– Сиди тихо и не дыши! – приказала я и захлопнула дверь, погребая под грудой одежды ошарашенного дирижёра большого оркестра.

Быстро пригладив волосы и нацепив на лицо самую радужную из своих дежурных улыбок, я пошла открывать. На пороге стояла она. Антонина Петровна. Небольшая, сухонькая, с острым, как игла, взглядом.

– Доброе утро, Алиночка. Я за платёжками. Не отвлекаю?

– Что вы, Антонина Петровна, я как раз вас ждала! – зашептала я. – Проходите, я сейчас всё найду.

Она вошла, и её цепкий взгляд тут же начал сканировать квартиру на предмет нарушений. Я металась по комнате, делая вид, что ищу квитанции, хотя прекрасно помнила, что засунула их куда-то в ящик комода. И тут... из спальни, из самых недр шкафа, донёсся глухой, но отчётливый стук. Бум. Словно кто-то с размаху приложился головой о полку.

Я замерла, и сердце ухнуло в пятки. Антонина Петровна тоже застыла. Её голова медленно повернулась в сторону звука, а брови поползли на лоб.

– Это... соседи, – соврала я, не моргнув и глазом. Мой внутренний Станиславский аплодировал стоя. – У них ремонт. Уже неделю сверлят, демоны. Видимо, что-то уронили тяжёлое. Шкаф, наверное.

Она смерила меня долгим, подозрительным взглядом, от которого у меня похолодели кончики пальцев, но, к моему безграничному облегчению, кивнула.

– Ох уж эти ремонты, никакого от них покоя.

С горем пополам я нашла эти проклятые платёжки, вручила их хозяйке и буквально выпроводила её за порог. Едва замок щёлкнул, я рванула к шкафу и распахнула дверцу. Из него, потирая ушибленный лоб, вывалился помятый, растрёпанный и очень злой Макс.

– Соседи? Демоны? – прорычал он. – Я чуть не задохнулся среди твоих летних сарафанов!

Я не дала ему опомниться. Схватив его за рукав, я потащила его к выходу.

– Потом спасибо скажешь! – бросила я, открывая входную дверь. – Тебе пора!

Я вытолкала его на лестничную площадку, сунула ему в руки ботинки и уже собиралась захлопнуть дверь, когда он, обуваясь на одной ноге, успел крикнуть:

– Позвони!

– Ага, в рельсу! – пробормотала я уже в пустоту, закрывая за ним дверь.

Я прислонилась к ней спиной, и тут меня накрыло. Сначала из груди вырвался тихий смешок. Потом ещё один. А через секунду я уже сползала по стене, сотрясаясь от беззвучного, истерического хохота. Сидя на полу в прихожей, я смеялась до слёз, представив лицо солидного мужчины, который полчаса назад сидел в моём шкафу. Суббота определённо превзошла все ожидания.

Глава 3

Понедельник в офисе – зрелище не для слабонервных. Это похоже на съёмочную площадку фильма о зомби-апокалипсисе, где выжившие, пошатываясь, бредут к кофейному аппарату в надежде на дозу спасительного кофеина. Воздух в нашем опенспейсе, кажется, можно было резать ножом: он состоял из аромата зёрен, тихого отчаяния и невысказанного вопроса «а можно я просто лягу здесь, под столом, и проснусь в пятницу?».

Я перехватила подруг у кулера, который в нашей компании служил центром светской жизни и главным источником сплетен. Ленка, наш ведущий маркетолог и человек-дедлайн, уже яростно барабанила по клавиатуре, из своего кабинета, будто пыталась силой мысли ускорить наступление вечера. Оля, как образец самого спокойствия, медитативно размешивала сахар в чашке, а Света, вечный двигатель, порхала вокруг, всё ещё под впечатлением от своего пятничного «триумфа» в караоке.

– Ну что, дизайнер, – Ленка оторвалась от своего ноутбука, и её взгляд впился в меня, как лазерный прицел. – Колись. Твой загадочный «дирижёр» оказался скрипкой Страдивари или так, ученической балалайкой с двумя струнами?

Я постаралась изобразить на лице вселенскую скуку, хотя при слове «дирижёр» перед глазами немедленно возник

образ растрёпанного мужчины, которого я утром в субботу запихивала в собственный шкаф.

– Скорее, ударной установкой, – хмыкнула я, наполняя кружку водой. – Шумный, настойчивый, а утром от него раскалывается голова. Особенно если этот барабан полночи изображает дятла, запертого в тесном пространстве.

Подруги синхронно устали на меня.

– В шкафу? – глаза Светы загорелись нездоровым любопытством. – Ух ты! Это что-то из ролевых игр? «Страстный пленник»?

– Это называется «спецоперация по экстренной эвакуации незнакомца от Антонины Петровны, явившейся в десять утра за оригиналами коммунальных платёжек», – вздохнула я. – В общем, история вышла короткой и нелепой. Партитура нашего потенциального романа закончилась на первой же ноте, причём фальшивой. Я выставила его за дверь, и на этом, слава богу, всё.

Ленка удовлетворённо хмыкнула, возвращаясь к своему графику.

– И правильно сделала. Мужчины, которые сразу пытаются дирижировать в чужой спальне, – товар ненадёжного качества. Без гарантии и с вероятными скрытыми дефектами. Кстати, о дефектах. Слышали главную новость? Нам сегодня нового начальника отдела представляют.

– О, да! – восторженно подхватила Света. – Мне Катя из бухгалтерии шепнула, что это какой-то московский цербер.

Молодой, но жутко деспотичный. Говорят, он своего зама на прошлом месте работы уволил за использование шрифта Comic Sans в годовом отчёте.

– А я слышала, он заставляет взвешивать папки с документами, чтобы бороться с бюрократией, – невозмутимо добавила Оля, отпивая чай. – И штрафует за улыбки до десяти утра. Нарушение серьёзного настроения.

– Что ж, тогда половина нашего IT-отдела в зоне риска только из-за носков с сандалиями, – фыркнула я. – Ладно, девочки, тираны тиранами, а у меня баннеры для новой линейки майонеза сами себя не нарисуют. Пойду творить.

День тянулся, как расплавленный сыр. Я честно пыталась сосредоточиться на работе, но мысли предательски возвращались к событиям выходных. Было и смешно, и неловко, и чуточку досадно. Я даже не взяла его номер телефона. А может, он и не собирался его давать. Ну и к лучшему. Просто забавный эпизод, анекдот для подруг, не более.

Ровно в полдень на почту упало короткое, как выстрел, письмо: «Всем сотрудникам отдела дизайна и маркетинга срочно собраться в главной переговорной».

– Началось, – зловещим шёпотом произнесла Ленка, проплывая мимо моего стола. – Сейчас нам явят нашего нового надсмотрщика. Готовься морально и проверь, каким шрифтом набрано твоё имя в почте.

В переговорной было не протолкнуться. Люди сбились в кучки, обмениваясь апокалиптическими прогнозами и делая

ставки, сколько человек напишут заявление по собственному желанию до конца недели. Я налила себе чашку чуть тёплого кофе, решив, что хуже уже не будет, и прислонилась к стене в самом дальнем углу. Участие в массовой истерии никогда не входило в список моих талантов.

Дверь распахнулась. В комнату бодро вошёл наш коммерческий директор, а следом за ним...

Мир вокруг меня сжался до размеров замочной скважины, а потом и вовсе исчез. Чашка в руке опасно дрогнула, расплескав несколько капель на пол. Это был он. Только не в джинсах и мятой рубашке, а в безупречном тёмно-синем костюме, который, казалось, стоил как вся моя съёмная квартира вместе с хозяйкой. Волосы, которые в субботу напоминали воронье гнездо, теперь были уложены волосок к волоску. И ни малейшего намёка на ту тёплую, чуть насмешливую улыбку, что играла на его губах в караоке-баре.

– Коллеги, добрый день! – зычно начал коммерческий. – Прошу любить и жаловать. Рад представить вам вашего нового руководителя, главу объединённого департамента креатива и маркетинга. Максим Олегович Баринов.

Баринов. Максим. Олегович. Дирижёр-неудачник. Гость моего шкафа.

Наши взгляды столкнулись ровно на полсекунды. И в этой половине секунды я утонула. В его глазах не было ни смущения, ни даже тени иронии. Там плескалось холодное, как айсберг, удивление, которое мгновенно сменилось таким яв-

ным раздражением, что мне стало не по себе. Он смотрел на меня так, будто я была досадной кляксой на белоснежной рубашке. Словно он видел меня в первый раз. Это был не Макс. Это был абсолютно чужой, собранный и непроницаемый человек.

– Добрый день, – его голос был ровным и стальным, без единой бархатной нотки, от которой у меня два дня назад подкашивались коленки. – С сегодняшнего дня я отвечаю за показатели вашего подразделения. Сразу обозначу свою позицию: я не сторонник долгих предисловий и адаптационных периодов. В ближайшие дни я лично ознакомлюсь с текущими проектами и эффективностью каждого из вас. Нас ждёт оптимизация, новые KPI и строжайший контроль за соблюдением дедлайнов. Я ценю измеримый результат, а не процесс. Надеюсь на продуктивное сотрудничество.

Он чеканил пугающие корпоративные фразы, и от его речи в переговорной будто включили кондиционер на полную мощность. Его взгляд скользил по лицам подчинённых – отстранённый, холодный и оценивающий. Он снова посмотрел в мою сторону, но это был взгляд, которым окидывают офисную мебель. Он смотрел сквозь меня.

Собрание закончилось так же внезапно, как и началось. Толпа испуганно потянулась к выходу, обмениваясь шёпотом: «Да уж, не вдали...», «Кажется, лафа закончилась». А я так и осталась стоять у стены, прижимая к груди остывший кофе. В голове звенела оглушительная тишина. Мой мозг ка-

тегорически отказывался склеивать два образа в один: рас­трёпанного хохочущего мужчину из шкафа и этого ледяно­го, неприступного босса.

На автопилоте я добрела до своего рабочего места и без сил рухнула в кресло. Я тупо уставилась в монитор, на ко­тором весело улыбался эскиз упаковки майонеза, но видела перед собой лишь одно – холодное, удивлённое лицо муж­чины, которого я всего два дня назад выталкивала из своей квартиры.

На экране мигнуло уведомление корпоративного чата. Со­общение от Ленки. Всего два слова и один смайлик, которые исчерпывающе описывали всю глубину катастрофы.

«ЭТО ОН?!»

Глава 4

Первый рабочий день под руководством Максима Олеговича превратил наш уютный, слегка хаотичный междусобойчик в зону боевых действий. Люди передвигались по офису короткими перебежками, словно боялись снайперского огня из стеклянного кабинета нового босса. Разговоры велись шёпотом, а любая поездка к кулеру за водой напоминала тщательно спланированную вылазку в тыл врага. Воздух, ещё вчера пропитанный запахом свежесваренного кофе и пятничной безмятежности, сегодня был наэлектризован напряжением. Все ждали, когда грянет гром, и гадали, в кого попадёт первая молния.

Я сидела за своим столом, изображая самую сосредоточенность. С таким усердием я двигала объекты на макете, будто от этого зависела судьба цивилизации. Но это была лишь маскировка. Внутри у меня бушевал ураган из трёх «С»: стыда, смеха и смятения. Каждое из этих чувств тянуло одеяло на себя, грозя разорвать мою хрупкую психику на части. Мне было стыдно за то, что я вообще впустила этого человека в свою квартиру, пусть даже и в состоянии лёгкого алкогольного помутнения. Дикий смех подкатывал к горлу при одном воспоминании о его ошарашенном лице и торчащей из-под вороха моих платьев макушке в шкафу. И, конечно, было полное, абсолютное смятение: как весёлый «дирижёр Макс»

и ледяной «цербер Максим Олегович» могли уживаться в одном, пусть и безупречно одетом, теле?

Вызова я ждала, как похода к стоматологу без анестезии. С мрачной покорностью судьбе. И он не заставил себя долго ждать. Внутренний телефон на моём столе издал короткий, резкий писк, заставив меня подпрыгнуть.

– Алина Егорова, зайдите ко мне, – произнёс знакомый, но абсолютно чужой стальной голос. Никаких «пожалуйста» или «будьте добры». Коротко и властно. Как приказ.

Я медленно поднялась, чувствуя на себе десятки сочувствующих взглядов. Ленка проводила меня глазами, в которых без труда читалось: «Держись, солдат! Земля тебе пухом!». Я мысленно отдала ей честь и, расправив плечи, направилась в кабинет тирана. В стеклянный аквариум, где теперь обитало самое опасное существо нашего офисного океанариума.

Он сидел за огромным столом, таким пустым и стерильным, что казалось, на нём проводят хирургические операции. Ни единой лишней бумажки, только закрытый ноутбук и идеально ровно стоящий стакан с водой. Максим Олегович не поднял на меня глаз, делая вид, что чем-то страшно занят. Я замерла на пороге, чувствуя себя двоечницей, которую отчитывают перед всем классом. Пауза затягивалась, становясь почти неприличной. Это была дешёвая игра и демонстрация власти. Что ж, в игры можно играть и вдвоём.

– Вызывали, Максим Олегович? – нарочито бодро спро-

сила я, нарушая гнетущую тишину.

Он медленно, словно нехотя, оторвал свой холодный и оценивающий взгляд от столешницы. Который не предвещал ничего хорошего.

– Алина... Викторовна, – он сделал едва заметную паузу перед отчеством, словно только что его выучил или попробовал на вкус. – Присаживайтесь.

Я села на краешек стула напротив, выпрямив спину до хруста в позвонках. Началась дуэль взглядов. Кто первый моргнёт, тот проиграл.

– Ознакомился с вашим портфолио, – начал он ровным тоном, так и не открывая ноутбук. – Неплохо. Есть интересные решения. Но я привык оценивать людей по реальным результатам, а не по прошлым заслугам.

Ах, так. Прошлые заслуги. Значит обида всё же есть, пятница с треском провалилась, верней проспала на диване, а в субботу пинка дали, ещё бы не огрызаться теперь на меня. Принято.

– Как скажете, Максим Олегович, – я растянула губы в самой милой улыбке, на которую была способна, глядя ему прямо в глаза. – Я тоже считаю, что первое впечатление бывает обманчивым. Иногда человек кажется, например, дирижёром большого оркестра, а на деле... – я сделала эффектную паузу, наслаждаясь моментом, – ...оказывается просто управленцем.

Я видела это. На долю секунды желваки на его скулах на-

пряглись, а в глубине ледяных глаз полыхнуло то самое раздражение, что я заметила ещё в переговорной. Есть, попала! Но он тут же взял себя в руки. Маска безупречного босса вернулась на место. Он даже бровью не повёл.

– Рад, что мы сходимся во мнениях, – холодно парировал он. – Раз уж мы заговорили о результатах, у меня для вас есть новый проект. Важный и срочный.

Он пододвинул ко мне тонкую папку с нашего стола. Я открыла её. На первом листе крупными буквами, набранными унылым шрифтом Times New Roman, было выведено название: «Задачи по ребрендингу дочерней компании "Плодородие"».

«Плодородие». Я едва не фыркнула ему в лицо. Это была наша дочерняя компания, производившая удобрения для дачников и агрохолдингов. Самый скучный, самый консервативный и безнадёжный бренд во всём нашем портфеле. Дизайнеров туда ссылали в качестве наказания за самые страшные грехи. Их логотипом был жизнерадостный колосок на ядовито-зелёном фоне. Это была не просто ссылка. Это была мелкая, изощрённая месть.

– Очень... перспективная задача, – процедила я, сохраняя на лице непроницаемое выражение.

– Я тоже так думаю, – кивнул он. На его губах мелькнула тень улыбки, которая больше напоминала улыбку хирурга перед сложной, но интересной ампутацией. – От вас требуется полная концепция. Новый логотип, фирменный стиль,

упаковка. Всё с нуля. На ближайший месяц это ваш единственный приоритет. Справитесь?

Он смотрел на меня в упор, ожидая, что я начну возмущаться, спорить или жаловаться. Что я сломаюсь и попрошу пощады.

– Конечно, Максим Олегович, – я встала, прижимая к себе папку, как щит. – Люблю задачи со звёздочкой. Особенно те, что помогают... личностному росту.

Я развернулась и пошла к двери, чувствуя его тяжёлый взгляд в своей спине.

Вернувшись на своё место, я с размаху бросила папку на стол. Коллеги, сидевшие рядом, сделали вид, что углубились в работу, но я знала, все уши были направлены в мою сторону. Только Ленка тут же написала мне в чат: «Ну что? Казнь или помилование?».

«Ссылка в Сибирь, – ответила я. – Мне поручили удобрять "Плодородие"».

По офису тут же поползли шепотки. Проходя мимо кухни, я слышала обрывок разговора двух менеджеров:

– ...Баринов нашу Алину сразу невлюбил. Говорят, на совещании на неё так посмотрел, будто она ему в кофе плюнула.

– Да не, – ответил второй. – Скорее, ляпнула что-то, как она умеет, не посмотрев, кто за спиной стоит. Видимо услышал.

Я вернулась за стол и снова открыла папку. Унылые гра-

фики, скучные описания химического состава удобрений, фотографии мешков с землёй. Тоска смертная. Первая реакция, написать заявление по собственному и сбежать из этого цирка. Сбежать от этого двуличного типа, который днём строит из себя Наполеона, а ночью прячется в шкафах от женщин, переживающих за свои платёжки.

Но потом во мне выиграло упрямство. К нему подлечилась спортивная злость. Ах, ты так? Ты решил меня унижить? Проверить на прочность? Закопать в этом «Плодородии»? Ну что ж, управленец. Посмотрим, кто кого.

Я уставилась на дурацкий колосок на логотипе. И вдруг в голове что-то щёлкнуло. А что, если не пытаться сделать его чуть менее убогим? А что, если сделать всё с точностью до наоборот?

Я открыла новый файл в графическом редакторе. Никаких колосков и зелёных лужаек, и уж тем более улыбающихся дачников. Вместо этого чистый, минималистичный дизайн. Дерзкая типографика. Чёрно-белая гамма с одним ярким, кислотным цветовым акцентом. Превратить скучные удобрения в модный, почти хипстерский эко-стартап. Сделать так, чтобы мешок с землёй хотелось не спрятать в сарае, а поставить в лофте вместо дизайнерского пуфа.

Идея была сумасшедшей и одновременно абсурдной, она мне чертовски нравилась. А терять мне уже было нечего.

«Хорошо, Максим Олегович, – подумала я, создавая новый артборд и чувствуя, как злость и обида переплавляются

в чистый азарт. – Вы хотели войны? Вы её получите. Войну за урожай». И я с головой ушла в работу, понимая, что в ближайшее время скучно уже точно не будет.

Глава 5

Мой рабочий день можно было официально считать убитым. А убийцу звали «Плодородие». Я сидела, загипнотизированная безысходностью, сочащейся с экрана монитора. Передо мной красовался логотип проекта: унылый, болезненно-зелёный колосок, который выглядел так, будто его нарисовал пятиклассник на уроке информатики, с трудом вспоминая, как вообще выглядит пшеница. Под этим шедевром аграрного минимализма шёл слоган, от которого сводило зубы: «Качество, проверенное временем». Так обычно пишут на консервах, чей срок годности истёк в прошлом веке, но их всё ещё надеются кому-то продать.

Офис вокруг жил своей обычной, размеренной жизнью. За стеной опенспейса кто-то в сотый раз пересказывал вчерашний футбольный матч, с кухни доносился запах заваривающегося дешёвого кофе и очередного сторевшего тоста, а системные блоки монотонно гудели, будто исполняя колыбельную для умирающих карьерных амбиций. Единственным ярким пятном в этом царстве серого пластика и выгоревших перегородок был мой свежий, ядовито-красный маникюр, которым я нервно выстукивала похоронный марш по столу. И это несоответствие казалось мне до смешного символичным.

Так вот она какая, месть Максима Олеговича Барина.

Изошрённый садист, надо признать, весьма креативно. Он мог бы меня уволить. Мог бы устроить публичную порку на совещании. Но нет, наш «золотой мальчик» оказался выше таких банальностей. Он решил меня сломать, а потом унижить. Похоронить под тонной виртуального навоза, сослав в креативную Сибирь самого скучного проекта в истории компании. Он, видимо, ждал, что я сдуюсь, растеряю всю свою спесь и приползу с повинной, умоляя дать мне рисовать хотя бы иконки для сайта.

Но что-то пошло не по его гениальному плану. Злость, густая и горячая, как смола, не парализовала меня, а наоборот, начала переплавляться для мирных целей. Мой внутренний циник, который после вчерашнего впал в кому, вдруг встрепенулся и азартно потёр руки в предвкушении.

– О, Алинка, сочувствую. – Рядом со мной, будто шпион из отдела контроля качества, подкрался Игорь, наш дизайнер-конформист. Для него вершиной креатива было использование двух разных оттенков синего в одном макете. Он с неподдельным ужасом смотрел на мой экран. – Тебе отдали «Плодородие»? От него все, как от огня, бегают. Говорят, этот проект проклят. Его аура высасывает из дизайнеров творческую энергию. Последний парень, который за него брался, уволился и уехал в деревню разводить пчёл. Серьёзно!

Я оторвала взгляд от экрана и одарила Игоря своей самой лучезарной и слегка безумной улыбкой.

– Пасека? Звучит как отличный стартап! «Мёд от бывших дизайнеров: каждая капля пропитана болью и дедлайнами». Как тебе? Стильно, модно, молодёжно. Может, сразу переименовать бренд в «Пчелиный бунт»? Вместо унылого колоска – злая пчела в короне. Символ борьбы с корпоративным унынием.

Игорь посмотрел на меня как на пациентку, сбежавшую с процедуры, попятился и спешно ретировался к своему рабочему месту. По дороге он что-то бормотал про то, что лучше пойдёт рисовать скучные кнопки для сайта, пока его тоже не затянуло в эту аномальную зону. А я поняла, что нащупала верное направление.

К чёрту старый бриф! К чёрту зелёные колоски и «качество, проверенное временем»! Одним движением мыши я смахнула все его файлы в отдельную папку с говорящим названием «Кладбище креатива» и начала с чистого листа. На экране зияла девственная белизна нового документа.

Злость оказалась потрясающим топливом. Она гнала меня вперёд, заставляя мозг работать с удвоенной скоростью. Я нырнула в мир, о существовании которого раньше и не подозревала. Вместо унылых сайтов для бабушек-дашниц я открыла для себя целую вселенную, где компост – это не просто перегной, а «крафтовый органический субстрат для осознанных садоводов». Где удобрения продаются в чёрных матовых пакетах с дерзкими неоновыми надписями, а целевая аудитория – это городские хипстеры, которые выращивают

микрозелень на подоконнике и гордятся этим, как полётом в космос.

Я чувствовала себя алхимиком, который пытается превратить свинец в золото. И чем больше я погружалась в эту идею, тем сильнее она мне нравилась. Этот ребрендинг я посвящаю самым ленивым коллегам по цеху и нахальным начальникам. Моя маленькая пощёчина всему нашему корпоративному болоту. И звонкая, сочная пощёчина лично ему, Максиму Олеговичу.

Руки сами летали над клавиатурой. Я набрала сообщение Ленке в нашем секретном чате «Клуб анонимных трудоголиков».

– Лен, срочно нужна моральная поддержка. Начала операцию «Удобрить Босса». Пока чисто на креативном уровне.

Ответ прилетел почти мгновенно.

– Ого! Он всё-таки дал тебе «Плодородие»? Жестокий человек. Мстишь?

– Не мщу, а превращаю свинец в золото. И свинец это он, – напечатала я в ответ.

Через секунду прилетела гифка с Леонардо Ди Каприо из «Великого Гэтсби», который с одобрительной ухмылкой поднимает бокал с шампанским. А следом ещё одно сообщение от Ленки:

– Жги, Егорова! Если что, маркетинг поддержит дерзкую концепцию. Особенно если она будет хорошо продаваться.

Я улыбнулась. У меня была группа поддержки. А это зна-

чило, что «Пчелиный бунт» официально начался. И его первой жертвой должен был стать самодовольный покой в кабинете моего начальника.

* * *

К середине дня мой мозг, напоминавший выжатый лимон, отчаянно сигнализировал о необходимости перезагрузки. Работа над проектом «Плодородие», этим гениальным порождением мстительного разума Баринова, высасывала все соки. Кто бы мог подумать, что креативная месть требует не меньше калорий, чем полномасштабная война? Чтобы пополнить запасы глюкозы и смыть с себя офисную пыль, мы с девчонками совершили дерзкий побег. Нашей тихой гаванью стало уютное итальянское кафе «Марио», удачно спрятавшееся от суеты в паре кварталов от нашего бизнес-центра.

Здесь царил совершенно другой мир, не имеющий ничего общего с нашими корпоративными джунглями. Помещение было залито тёплым полуденным солнцем, в воздухе витали божественные запахи свежеспечённой чиабатты, чеснока и базилика, а из колонок лилась тихая, ненавязчивая музыка. Мы плюхнулись за любимый столик у окна, и я с непередаваемым наслаждением вытянула ноги, чувствуя, как напряжение медленно отпускает мышцы. Весёлые пузырьки просекко, играющие в высоком бокале, настойчиво шептали, что

жизнь, в общем-то, прекрасна и удивительна.

– Ну что, агроном, – Ленка сделала глоток вина, смерив меня своим фирменным скептическим взглядом. – Как твой стартап по спасению человечества от голода? Уже придумала, как заставить бородатых хипстеров в узких джинсах масово скупать удобрения?

– Нахожусь в процессе, – невозмутимо ответила я, подцепляя вилкой оливку. – Концепция почти готова. Рабочее название: «Инвестируй в землю, она не бросит тебя, как твоя бывшая». Как думаешь, Баринов оценит всю глубину метафоры?

Света, сидевшая напротив, тихонько прыснула в кулак, а Оля, наша рассудительная юристка, неодобрительно покачала головой.

– Я бы не советовала использовать формулировки, которые могут быть истолкованы как оскорбление, – серьёзно заметила она. – Теоретически, это можно подвести под нарушение корпоративной этики.

– Ой, да ладно тебе, – отмахнулась Света. – Девочки, а он какой-то одержимый, вам не кажется? Я вчера из кухни выходила, так он стоял у своего кабинета и смотрел на Алинин пустой стул. С таким видом, будто стул ему зарплату за прошлый месяц задолжал. Прямо сверлил взглядом!

– Наверное, прикидывал, сколько будет стоить его замена, если я всё-таки решусь уехать в деревню разводить пчёл, – фыркнула я, стараясь, чтобы это прозвучало как можно бо-

лее безразлично. – Или калькулировал упущенную выгоду от простоя рабочего места.

Мы весело рассмеялись, и в этот самый момент колокольчик над входной дверью мелодично звякнул, анонсируя новых посетителей. Я лениво повернула голову в сторону входа, и моя улыбка застыла на полпути, превратившись в дурацкую гримасу. На пороге стоял он. Максим Олегович Баринов собственной персоной. В сопровождении двух мужчин в одинаково строгих, как у него, костюмах, которые выглядели так, будто вышли из одного бизнес-инкубатора.

Он явно не ожидал нас здесь увидеть. Его взгляд скользнул по залу и наткнулся на наш столик. Я видела это совершенно отчётливо: на его безупречном лице на долю секунды промелькнуло такое явное, неподдельное раздражение, будто он заказал себе двойной эспрессо, а ему принесли ромашковый чай. Наши глаза встретились на одно короткое, но очень насыщенное мгновение, и я почувствовала укол чистого злорадства. Попался, голубчик.

Он тут же отвёл взгляд и, что-то коротко бросив своим спутникам-клонам, проследовал в самый дальний конец зала. Они выбрали столик, расположенный так, чтобы сидеть к нам спиной. Идеальная тактика, чтобы сделать вид, будто нас здесь не существует. Превосходно, Максим Олегович!

– Так, это уже даже не смешно, – прошипела Ленка, наклонившись ко мне через стол. – Он тебя натурально преследует. Это уже похоже на stalking. Ты выходишь на обед

– и он тут как тут. Может, у него в кабинете карта твоих перемещений с флажками?

– Расслабься, – я постаралась придать своему голосу максимум невозмутимости, хотя сердце почему-то предательски забилось чуть быстрее. Я сделала большой глоток просекко, наслаждаясь моментом. – Всё объясняется банальной статистикой, как сказала бы Оля. В Москве всего два приличных места, где можно нормально поесть в радиусе километра. Наш офисный буфет и это кафе. Бедняге просто некуда больше пойти со своими деловыми партнёрами. Не в «Кошку-картошку» же их вести.

– А по-моему, это так романтично! – мечтательно протянула Света, подперев щёку рукой. – Он просто не может без тебя прожить и минуты! Даже на обеденном перерыве! Он ищет с тобой встречи, это же очевидно!

Я картинно закатила глаза, но не смогла сдержать лёгкую улыбку.

– Светик, дорогая, ты слишком много романтических комедий смотришь. Поверь, если он ещё раз материализуется там, где я пью кофе, я решу, что он хочет не меня, а мой круассан. И вот круассан я ему точно не отдам. За него я буду драться до последнего.

Мы неспешно допили вино, доели пасту и решили, что пора возвращаться в суровую реальность, где меня ждали великие аграрные дела. Собирая сумку, я уже точно знала, что сделаю. Это был чистый импульс, маленькая, но острая

шпилька, в удовольствии вставить которую я просто не могла себе отказать. Направляясь к выходу, я выбрала самый длинный маршрут – тот, что проходил в опасной близости от его столика. Девчонки шли чуть впереди, я же намеренно замедлила шаг, превратив свою походку в ленивое дефиле.

Он не повернулся. Он сидел идеально прямо, словно проглотил аршин, и с преувеличенным вниманием слушал своего собеседника. Но я видела – нет, я чувствовала всем своим существом, – как напряглась его спина, когда я поравнялась с их столом. Он весь подобрался, словно натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. Он знал, что это я. И знал, что я знаю, что он знает. Этот беззвучный диалог был громче любых слов.

Я вышла на залитую солнцем улицу, и на моих губах играла победная улыбка, которую я уже не пыталась скрыть. Эта маленькая, глупая игра мне определённо начинала нравиться. И в этом раунде победа точно была за мной.

Глава 6

Напряжение между нами стало почти осязаемым. Оно гудело в офисном воздухе, как высоковольтная линия, и, кажется, только я одна находила это забавным. Максим Олегович довёл искусство избегания до уровня олимпийского вида спорта. Если он видел меня в дальнем конце коридора, он мог резко свернуть в ближайшую переговорку, даже если там уже шло совещание по квартальному бюджету. Или, например, сделать вид, что ему поступил сверхсрочный звонок, требующий немедленного укрытия за фикусом в холле. Это было так забавно и по-детски, что не вызывало ничего, кроме смеха.

Наш девичий чат «Клуб анонимных трудоголиков» пополнился новой постоянной рубрикой: «Операция "Анти-Алина"».

Ленка вела счёт: «Сегодня 3:0 в пользу Баринова. Он заметил тебя у кофейного аппарата и ретировался в мужской туалет с такой скоростью, будто за ним гнался финансовый аудитор с проверкой».

Света, наша вечная оптимистка, тут же вступилась: «Девочки, а может, он просто стесняется? Он же всё-таки большой начальник».

Оля подводила итог: «Стесняется или нет, но если он так и дальше будет нырять в случайные кабинеты, то рискует на-

рваться на дисциплинарное взыскание за срыв рабочих процессов. Алина, ты его до инфаркта доведёшь».

Я печатала ответ, едва сдерживая смехок: «Светик, этот человек не стеснялся отчитывать финансового директора за неправильно скреплённые скрепкой листы. Он не знает такого слова. Он просто боится, что я снова предложу ему спрятаться в шкафу. На этот раз в офисном, для хранения документации».

Эта странная игра в прятки продолжалась всю неделю, и к пятнице я, честно говоря, от неё устала. Но это было приятно, чёрт возьми. Мой проект «Плодородие», изначально задуманный как ссылка в аграрный ад, превратился в личный крестовый поход. Я нашла столько дерзких и смелых идей, что их хватило бы на три ребрендинга. Я чувствовала себя художником-авангардистом, которому разрешили рисовать не пасторальные пейзажи, а что-то вызывающее и хулиганское. Поэтому, заходя в лифт в конце рабочего дня, я была уставшей, но до неприличия довольной собой.

Нажав кнопку первого этажа, я прислонилась к прохладной зеркальной стенке, предвкушая бокал вина и тихий вечер в компании нового сериала. Двери начали плавно закрываться, осталась лишь узкая щель... как вдруг в неё властно просунулась рука в рукаве дорогого пиджака, и створки покорно поползли обратно. В кабину стремительно шагнул Максим Олего-о-ович Баринов.

Моё «здравствуйте» застряло где-то в горле. Он замер,

увидев меня, и на его лице промелькнула та самая, уже знакомая мне смесь досады и вселенского раздражения. Бежать было некуда. Мы остались вдвоём в замкнутом пространстве. Враг был пойман в ловушку. Точнее, мы оба попались.

Он демонстративно отошёл в самый дальний угол, отвернулся и уставился на индикатор этажей с таким видом, будто это было самое увлекательное зрелище в его жизни. Я осталась в своём углу, скрестив руки на груди и наблюдая за его отражением в тусклом зеркале. Этаж... ещё этаж... Лифт проехал несколько пролётов, задумчиво крякнул и вдруг резко дёрнулся, застыв на месте с протяжным скрежетом. Верхний свет погас, и тут же загорелась тусклая, зловещая аварийная лампочка, окрасив его безупречный костюм и моё лицо в апокалиптические оранжевые тона.

– Великолепно, – произнёс он в пустоту. Его голос был ровным, но я уловила в нём стальные нотки сдерживаемого гнева.

Я откинула голову и прислонилась затылком к холодному металлу. Ну что ж. Вселенная, ты определённо обладаешь извращённым чувством юмора.

– Не переживайте, Максим Олегович, – мой голос прозвучал на удивление спокойно, хотя внутри всё плясало джигу от нервного смеха. – Я читала, в таких ситуациях главное не есть друг друга. По крайней мере, в первый час. Потом можно будет обсудить детали.

Он молчал. Но в тусклом свете аварийки я отчётливо уви-

дела, как дёрнулся уголок его губ. Ну что ха человек? Он героически подавил улыбку. Но всё же я успела её заметить. Он протянул руку и с силой нажал на кнопку вызова диспетчера. Механический голос безразлично ответил, что бригада уже в пути и нужно «просто немного подождать».

«Немного» растянулось на пятнадцать минут. Мы молчали. Я изучала свои ботинки, он свой телефон, в котором, очевидно, не было сети. Напряжённая тишина медленно таяла, сменяясь другой, неловкой и глупой. Он наконец отложил бесполезный гаджет.

– Вы всегда так... оптимистичны в критических ситуациях, Алина Викторовна? – спросил он, не глядя на меня.

– Только когда есть риск быть съеденной собственным начальником. Это обостряет чувство юмора. Защитная реакция организма, если это можно так назвать.

В этот раз он позволил себе лёгкую усмешку.

– Считайте, что сегодня я не голоден. Можете расслабиться.

В этот момент лифт дёрнулся, заскрипел, и яркий свет ударил по глазам. Двери открылись. Спасительная свобода. Он вышел первым, не оборачиваясь.

Следующая наша встреча произошла почти через неделю, и на этот раз режиссёром выступила сама московская погода. Небеса разверзлись внезапно и беспощадно. Ливень был такой силы, что дворники на машинах сходили с ума, а люди, застигнутые врасплох, метались по улице, как в пло-

хом фильме-катастрофе. Мой зонтик, купленный за триста рублей в переходе, героически продержался ровно десять секунд, а потом вывернулся наизнанку и с позорным хрустом сломался, превратившись в жалкое подобие скелета летучей мыши.

Чертыхаясь и проклиная всё на свете, я бежала к своей машине на дальней парковке, тщетно пытаюсь прикрыть голову сумкой. Вода уже хлюпала в туфлях, а тушь, я была уверена, живописно растеклась по лицу, превращая меня в печального Пьеро из дешёвого театра. Я уже почти добежала до своей спасительной «ласточки», когда рядом со мной резко затормозил огромный чёрный внедорожник, окатив меня новой порцией грязной воды из лужи. «Да что за день!» – мысленно взвыла я. Но тут тонированное стекло плавно поползло вниз. За рулём сидел Макс. Сухой, безупречный, и как всегда невозмутимый.

– Садитесь, Алина Викторовна, – его голос прозвучал на удивление спокойно, почти безразлично. – Не хватало ещё, чтобы мой ведущий дизайнер заболел из-за капризов московской погоды.

Я замерла, промокшая до нитки, с прилипшими ко лбу волосами. Вода стекала с меня ручьями прямо на асфальт.

– Ведущий? – переспросила я, пытаюсь унять стучащие от холода зубы. – Я думала, что теперь являюсь почётным агрономом всея Руси по вашему личному распоряжению.

На его губах снова появилась та самая, почти неуловимая

усмешка.

– Это не взаимоисключающие должности. Ваш аграрный проект показывает впечатляющие результаты. Садитесь.

Спорить было бессмысленно и холодно. Я плюхнулась на дорогое кожаное сиденье, с ужасом понимая, что оставляю на нём мокрые разводы, и с наслаждением ощутила тепло от включённой печки. Он молча тронулся и проехал те пятьсот метров, что отделяли нас от моей машины, под оглушительный шум дождя, барабанившего по крыше.

– Спасибо, – пробормотала я, уже открывая дверь.

– Считайте это инвестицией в «Плодородие», – бросил он, не поворачивая головы. – Мне нужен здоровый сотрудник на защите проекта.

После этих двух случаев Баринов начал избегать меня ещё большим, почти фанатичным усердием. Он, казалось, готов был сделать крик в два квартала, лишь бы не пересекаться со мной на обеде. И тут я поняла одну простую вещь: моя ирония и дурацкие шутки каким-то образом пробивали его ледяную броню. Но дело было не только в этом. Его пугали не мои слова, а обстоятельства. Лифт, ливень, тесные пространства – всё это выбивало его из привычной роли всемогущего босса и ставило в один ряд со мной. Наша холодная война всё больше напоминала странную, запутанную игру. Игру, где оба игрока до смерти боятся сделать следующий ход, потому что совершенно не представляют, к чему он приведёт.

Две недели я жила в режиме берсерка. Мой организм, кажется, окончательно отказался от стандартного топлива в виде сна и еды, переключившись на гремучую смесь из Американо, в промышленных количествах, сахара и чистого, дистиллированного упряма. Проект «Плодородие», изначально задуманный Максимом Олеговичем как моё наказание за неспособность увидеть в нём потенциального «альфа-самца» в пятницу, неожиданно для него и, честно говоря, для меня самой, превратился в мой личный крестовый поход. В дерзкий манифест против серости, уныния и убийственной фразы «мы всегда так делали».

Я, чёрт возьми, сотворила целую философию из унылого логотипа и пакета с землёй. Захудалая аграрная компания преобразовалась в маленькую зелёную вселенную, в центре которой была простая, но до смешного важная идея. Идея о том, что даже самый задёрганный городской невротик, живущий в бетонной коробке двадцать на двадцать и видящий солнце только по выходным, имеет право на свой крошечный, но собственный кусочек живой природы.

Я безжалостно отправила в мусорную корзину мрачные полиэтиленовые мешки с аляповатыми колосками, которые кричали «привет из девяностых». Вместо них появились стильные крафтовые пакеты, которые не стыдно поставить

на видном месте на кухне, рядом с модной кофемашиной. Убогий сайт с фотографиями неестественно улыбающихся пенсионеров, обнимающих гигантские кабачки, уступил место модному, минималистичному лендингу с ироничными текстами, понятными моему поколению.

Я даже разработала контент-план для социальных сетей, который сама бы с удовольствием читала. Посты в духе: «Твой фикус видел больше, чем ты думаешь. Удобрй его вовремя, он это заслужил» или «Бasilik на подоконнике плюс сто к карме и вкуснейший песто к ужину». И как вишенка на торте набросала план партизанского маркетинга. Маленькие наклейки на горшках в цветочных магазинах: «Меня скоро купят. Надеюсь, у моих новых хозяев есть "Плодородие"».

Это было смело и, до безобразия дерзко. Это абсолютно не вписывалось в идеологию нашей конторы, которая привыкла двигаться вперёд с грацией и скоростью ледника, боящегося растаять. Я прекрасно понимала, что иду на войну. А что мне было терять, собственно? Оставалось только явиться в штаб главнокомандующего и торжественно объявить о её начале.

Собрав в кулак всю волю, остатки смелости и флешку с презентацией, я записалась к Баринову на приём. Пятница, три часа дня. Время выбрано со снайперской точностью: идеальный тайминг для экзекуции. До конца рабочего дня ещё останется пара часов, для неспешных сборов своих немногочисленных пожитков в картонную коробку из-под бумаги,

а впереди целые выходные, чтобы рыдать в подушку, оплакивая загубленную карьеру и прощаясь с мечтой о той самой сумочке.

Когда я, постучав, вошла в его кабинет, он даже головы не поднял. Продолжал что-то сосредоточенно выстукивать на клавиатуре ноутбука, словно меня здесь и в помине не было. Его стол сиял привычной чистотой, атмосфера была наполнена холодным, неприступным официозом с нотками дорогого парфюма. Я почувствовала себя так, будто пришла на приём к хирургу, а не к начальнику, и сейчас мне будут без анестезии удалять рабочее место. Он заставил меня ждать почти целую минуту, вопиющее нарушение делового этикета и маленькая демонстрация власти, прежде чем захлопнуть крышку компьютера и наконец удостоить меня своим ледяным взглядом.

– Надеюсь, Алина Викторовна, ваше творческое уединение не отняло у вас слишком много драгоценного времени, – его тон мог бы заморозить мой недопитый кофе на рабочем столе в другом конце офиса. – У нас в компании, знаете ли, есть и другие, более приоритетные проекты.

«Знаю, – мысленно съязвила я. – Например, выбор нового оттенка серого для стен в переговорке "Синергия"».

Я молча присела на стул напротив и с лёгким стуком водрузила на полированную поверхность стола свой ноутбук. Ощущения были, как у тореадора, вышедшего на арену против разъярённого быка. Одно неверное движение и тебя под-

нимут на рога под вежливые аплодисменты коллег.

– Я работаю только с лучшими проектами, Максим Олегович, – ответила я, глядя ему прямо в глаза и растягивая губы в самой вежливой и самой неискренней улыбке, на которую была способна. – Вы же сами меня этому научили.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Он лишь едва заметно кивнул, словно давая понять, что представление можно начинать.

Что ж, шоу так шоу.

Я развернула к нему ноутбук и запустила презентацию. Говорила на удивление спокойно и уверенно, стараясь, чтобы голос не дрожал от смеси кофеина и праведного гнева. Я рассказывала не про химический состав и пользу для корнеплодов, в этом я всё равно ничего не понимала, а про эмоции. Про отчаянное желание современного человека что-то создавать своими руками в мире, где всё за него делают машины. Про потребность в контроле над своей жизнью, пусть даже это всего лишь контроль над тремя чахлыми кустиками базилика на подоконнике. Он слушал молча, с абсолютно каменным лицом, которое не выражало ничего, кроме вежливой, убийственной скуки. Я прямо видела, как он мысленно готовится разнести каждый мой слайд в пух и прах, он лишь ждал подходящего повода.

И я дала ему этот повод. Я переключила на ключевой слайд. На идеально чёрном фоне белыми буквами был написан новый слоган. Простой, ироничный и до боли понятный

каждому, кто хоть раз в жизни пытался не дать умереть подаренному на день рождения кактусу.

«Плодородие. Заставь свой подоконник гордиться тобой».

Он замер. Я видела, как его взгляд буквально впился в эту фразу. В кабинете наступила пауза. Долгая, тяжёлая и звенящая. Казалось, я слышу, как в его голове щёлкают шестерёнки аналитического отдела. Он медленно протянул руку к мышке и сам начал листать слайды, внимательно, дотошно изучая макеты упаковок, примеры постов, эскизы сайта. Я молчала, дав ему возможность самому всё переварить. Сейчас любое моё слово могло стать роковым.

– Это... смело, – наконец произнёс он, и это слово прозвучало как начало приговора. – Даже слишком смело, Алина Викторовна. Вы вообще смотрели на нашу текущую целевую аудиторию? Это пенсионеры с дачами. Люди, которые десятилетиями покупают наш продукт в хозяйственных магазинах. А вы предлагаете мне разговаривать с ними на языке хипстеров с фикусами. Они нас не поймут.

Вот он, момент истины. Сейчас или никогда. Либо я его убеждаю, либо иду паковать коробку.

– А мы и не будем с ними разговаривать, – мой голос прозвучал на удивление твёрдо. – Они и так купят. По привычке. Потому что доверяют «качеству, проверенному временем» и совету соседки тёти Зины. Но они не растущий рынок. Это стагнация. Мы же не собираемся вечно продавать одно и то

же одним и тем же людям? Это путь в никуда. Вы же сами на первом же совещании говорили про новые КРІ, про захват рынков, про агрессивную стратегию. Так вот же он, новый рынок! – я позволила себе слегка наклониться вперёд, вкладывая в слова всю свою страсть и двухнедельный недосып. – Это мы с вами. Городские невротики от двадцати пяти до сорока. Люди, которые работают в таких же офисах, как наш. Которые заказывают еду на дом, но при этом мечтают вырастить свой собственный, экологически чистый укроп и почувствовать себя творцами. Мы продаём им не удобрения! Мы продаём им мечту и ощущение контроля. Маленькую победу над хаосом мегаполиса. И они готовы за это платить. Гораздо больше, чем пенсионеры за мешок земли.

Он оторвал взгляд от экрана и посмотрел прямо на меня. И в его глазах больше не было ни скуки, ни холодного раздражения. Там появился вполне себе здоровый интерес. Он смотрел на меня так, будто впервые увидел меня, словно и не было караоке и шкафа. Теперь я была для него равным игроком. Он увидел мою логику. И его холодная, расчётливая броня управленца дала трещину под напором моего дерзкого, но продуманного креатива.

Он очень медленно опустил крышку моего ноутбука, словно ставя точку в этом раунде нашей дуэли.

– Хорошо, – произнёс он после очередной убийственной паузы. – У вас есть неделя, чтобы подготовить полное бизнес-обоснование. С цифрами, прогнозами по охватам, сто-

имостью привлечения клиента и потенциальной прибылью. Я подключу к вашему проекту маркетологов, они помогут с расчётами. И если ваши цифры окажутся так же убедительны, как ваша... наглость, – он сделал едва заметную паузу, словно подбирая единственно верное слово, и на его губах промелькнула тень той самой усмешки, от которой у меня по спине пробежал холодок, – я дам этому зелёный свет.

«Этому». Не «проекту», не «вашей идее», а «этому». Безликое местоимение, которое в его устах прозвучало для меня как самая высокая похвала из всех возможных. Это была победа. Маленькая, предварительная, но от этого не менее сладкая.

Я молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова, чтобы не испортить момент дурацким писком, встала и, забрав ноутбук, направилась к двери.

– И, Алина Викторовна... – его голос остановил меня уже у самого порога.

Я обернулась. Он всё так же сидел за своим столом, но смотрел уже не на меня, а куда-то в сторону окна, на серый московский пейзаж.

– Это было неплохо. Хорошая работа.

«Неплохо»? Да я только что заново изобрела агробизнес для миллениалов, а ему «неплохо»!

Я вышла из его кабинета и медленно побрела к своему столу, чувствуя, как отпускает напряжение, державшее меня в тисках все эти дни. Ноги слегка дрожали, а в голове бы-

ло абсолютно пусто. Война за «Плодородие», кажется, была окончена, не успев толком начаться. Я победила. Но вместо триумфа я чувствовала лишь странное опустошение и тревогу. Потому что отчётливо поняла: это был конец только первого акта. А сейчас, после его последней фразы и едва заметной усмешки, начинается второй. И в нём, похоже, воевать придётся уже не с его профессионализмом, а с чем-то гораздо более сложным и непредсказуемым. С тем самым Максом, который умеет не только считать КРІ, но и смотреть так, что хочется спрятаться. Уже не в шкаф, а куда-нибудь подальше.

Глава 7

После моего триумфа в кабинете у Макса нас ожидало очередное, не менее «продуктивное» собрание. Ежегодный корпоратив. Это такая версия офисного апокалипсиса, где вместо зомби – твои же коллеги, а вместо желания выжить, лишь отчаянная мечта поскорее оказаться дома. Это обязательное мероприятие, где руководство с натянутыми улыбками убеждает всех, что мы «одна большая и дружная семья». Правда, потом эта «семья» до утра перемывает косточки тем, кто слишком увлёкся бесплатным баром, и делает ставки, чей отдел в следующем квартале пойдёт под «нож».

Я, как человек здравомыслящий, пыталась откосить всеми доступными способами. В моём арсенале были и выдуманная мигрень, и внезапный ремонт у соседей сверху, и даже экзотическая аллергия на «принудительное веселье». Но против меня выставили тяжёлую артиллерию в лице Ленки из отдела маркетинга.

– Егорова, даже не начинай, – заявила она, врываясь в мой маленький дизайнерский закуток с грацией носорога. В руках она держала стаканчик кофе, а во взгляде читалась непреклонная решимость. – Ты едешь, и это не обсуждается.

– Лен, у меня кот чихнул. Кажется, это что-то серьёзное. Требуется моего неотлучного присутствия и моральной поддержки, – попыталась я.

– Твоего кота я лично проверю по видеосвязи, – отрезала она. – А теперь серьёзно. Во-первых, халявная еда и река шампанского. Во-вторых, и это главное, твой «Плодородный» проект произвёл фурор. Ты теперь местная «рок-звезда» от мира агробизнеса. Баринов твою презентацию чуть ли не в рамочку повесил. Говорят, показывает её каждому новому топ-менеджеру со словами: «Вот как надо работать, господа!». Ты обязана явиться и искупаться в лучах славы. Или ты хочешь, чтобы все лавры достались ему одному?

Последний аргумент ударил точно в цель. Перспектива того, что Максим Олегович будет расхаживать по загородному клубу, пожиная плоды моего двухнедельного недосыпа и питаясь энергией моей гениальности, пробудила во мне праведный гнев. Так что через пару часов я, втиснувшись в самое нарядное из своих не слишком официальных платьев и вооружившись фирменной скептической ухмылкой, уже тряслась в такси. Наша «большая и дружная семья» ехала в загородный клуб доказывать свою лояльность компании.

Место было красивым до тошноты. Вековые сосны, упирающиеся в бархатное ночное небо, идеально ровные газоны, вышколенные официанты с подносами, уставленными бокалами. Пахло хвоей, дорогим парфюмом и лицемерием. В самом центре этого праздника жизни, разумеется, находился он. Максим Олегович. В плотном кольце заискивающе улыбающихся топ-менеджеров он выглядел как дирижёр этого фальшивого оркестра. А ведь не соврал, когда сказал,

что он «дирижёр». Сдержанно кивал, слегка улыбался и производил впечатление человека, который родился в этом безупречном костюме где-то здесь, под этими самыми соснами. В мою сторону он не бросил ни единого взгляда, но я ощущала его присутствие каждой клеткой кожи, как назойливое жужжание комара над ухом.

Ну что ж. Раз уж я здесь, скучать не собираюсь. Представление начинается. Спектакль для одного зрителя, который упорно делает вид, что меня в зале нет. На роль моего сценического партнёра идеально подошёл Паша из IT-отдела – безобидный кудрявый гений с добрыми глазами.

– А потом я ему говорю: «Ты пробовал выключить и снова включить?». А он мне: «Я не могу, это моя тёща!», – вещал Паша, и я хохотала так, будто это была самая остроумная шутка в моей жизни.

Я кокетливо поправляла локон, случайно касалась его руки и заглядывала в глаза с неподдельным интересом дикой кошки, изучающей мышь. Краем глаза я уловила, как напрягся Баринов. Он на долю секунды замер, а потом медленно повернул голову в нашу сторону. На его лице мелькнуло то самое, до боли знакомое выражение холодного бешенства. Ага. Зритель на месте, значит шоу продолжается.

Через какое-то время от громкой музыки и спёртого воздуха мне стало душно. Прихватив бокал, я выскользнула на просторную деревянную веранду, выходящую к тёмной стене леса. Прохлада тут же окутала разгорячённую кожу. Я

прислонилась к перилам, глядя на россыпь звёзд, и с наслаждением сделала глоток холодного игристого.

– Веселитесь, Алина Викторовна?

Его голос за спиной был таким близким и неожиданным, что я поперхнулась. Он стоял в паре шагов, засунув руки в карманы брюк. Полумрак веранды творил с ним чудеса. Тёмная рубашка без галстука, верхняя пуговица расстёгнута... Сейчас он был похож не на грозного Максима Олеговича, а на того самого Макса из караоке-бара.

– Изю всех сил, Максим Олегович, – я лениво развернулась к нему, делая ещё один глоток для храбрости. – Вы же сами учите нас, что главный критерий успеха – это измеримый результат. Вот, я и работаю над повышением командного духа в отдельно взятом IT-отделе. Социализация, нетворкинг. Всё по заветам корпоративной культуры.

Его губы тронула та самая усмешка, которая всегда выводила меня из равновесия.

– Ваш энтузиазм похвален. Главное, чтобы этот... тимбилдинг... не сказался на вашей продуктивности в понедельник.

Я уже открыла рот, чтобы выдать что-нибудь язвительное, но тут на веранду, пошатываясь, вывалился Валерий Игнатьевич, коммерческий директор. Один из офисных «динозавров», известный своей безграничной любовью к бесплатному алкоголю и сальным шуточкам.

– О-о-о, какие люди в Голливуде! – зычно провозгласил

он, направляя свой пьяный курс прямо на нас. – Максим Олегович! И наша звёздочка, Алиночка! Наслышан, наслышан про твои... эти... удобрения! – он громко икнул, обдав нас алкогольным перегаром. – Талантище! Говорят, ты можешь заставить плодоносить даже засохший пень. Это нам надо! Такое качество в хозяйстве всегда пригодится, хе-хе.

Я похолодела. Его маленькие пороссячи глазки буквально ощупывали меня с головы до ног, и от этого взгляда хотелось немедленно вымыться с хлоркой. Я натянула ледяную маску вежливости, но чувствовала, как пылают щёки.

– Рада, что вам понравилась концепция, Валерий Игнатьевич, – процедила я.

– Концепция это для слабаков! – не унимался он, делая ещё один нетвёрдый шаг в мою сторону. – Главное практика! Так что если что, обращайся. У меня на даче как раз пара пней имеется... старых, трухлявых... Поможешь талантом?

И в этот момент произошло немыслимое. Максим, до этого стоявший неподвижно, сделал полшага вперёд, мягко, но неоспоримо заслоняя меня собой.

– Валерий Игнатьевич, – его голос прозвучал тихо, но в нём было столько ледяной стали, что подвыпивший топ-менеджер, кажется, мгновенно протрезвел. – Думаю, вам пора освежиться. Мой сотрудник не тема для ваших сомнительных шуток. Особенно когда вы едва стоите на ногах.

Валерий Игнатьевич из багрового стал пунцовым, что-то пробормотал про «молодёжь без чувства юмора» и, неловко

развернувшись, поспешил ретироваться обратно в шумный зал.

Мы остались одни. Тишина, нарушаемая лишь стрёкотом сверчков, звенела в ушах. Я смотрела на его широкую, загораживающую меня спину и совершенно не знала, что сказать. Этот поступок никак не вязался с образом холодного, расчётливого босса. В этот неловкий момент Макс стал самим собой.

Он медленно обернулся. В полумраке я не могла разобрать выражение его лица, но мне показалось, что он смущён.

– Спасибо, – еле слышно выдохнула я. Голос прозвучал хрипло и неуверенно, что было на меня совершенно не похоже.

Он на мгновение задержал на мне взгляд, а потом резко отвернулся к тёмному лесу, будто ему вдруг стало жизненно необходимо пересчитать все сосны.

– Просто не люблю, когда обижают моих сотрудников, – холодно бросил он.

Но в этой холодной фразе уже не было привычного металла. Тут уже зазвенела его собственная броня.

* * *

Такси несло меня сквозь ночной, залитый неоном город, а я пялилась на проплывающие мимо витрины, но в голове бы-

ла только одна заевшая пластинка. В ушах вместо шума мотора до сих пор стоял стрёкот сверчков, а перед глазами его спина. Широкая, надёжная, как Великая китайская стена, загородившая меня от пьяного хамства какого-то там партнёра компании. А потом голос, спокойный, ровный и убийственно корректный: «Просто не люблю, когда обижают моих сотрудников».

Моих сотрудников. Не «эту девушку», не «Алину», а «моих сотрудников». Как «мой степлер» или «мой квартальный отчёт». Фраза была холодной, как айсберг, и такой же отстранённой. Но что-то в ней было не так. Она прозвучала, как идеально заученная реплика или как щит, которым он прикрылся в последний момент, испугавшись, что показал что-то лишнее. А что именно? Заботу? Симпатию? Банальную человеческую порядочность? Мой мозг, привыкший раскладывать всё по полочкам иронии и сарказма, завис, как старый компьютер, пытающийся открыть файл из будущего.

Я ввалилась в свою квартиру, провернула ключ в замке дважды – привычка одинокой девушки в большом городе и прислонилась спиной к прохладной двери. Тишина. Какое же это было наслаждение после гула корпоративной вечеринки, фальшивых улыбок и звона бокалов. Нужно было срочно чем-то заняться, вымыть этот вечер из головы, иначе я рисковала до утра просидеть в коридоре, гипнотизируя пылинку на ламинате. Уборка! Гениально. Лучшее лекарство от душевных терзаний и непрошенных мыслей. С этими мыс-

лями я пошла спать.

Утром, с решимостью бульдозера я направилась на кухню. В раковине сиротливо ждала своей участи пара чашек и тарелка из-под утреннего сырника. Я включила воду и с преувеличенным усердием начала натирать губкой свою любимую кружку с дурацкой надписью «Я дизайнер, я не хочу ничего решать, я хочу красивый шрифт». Но руки меня не слушались, а мысли были далеко. А что, если бы он не вмешался? Я бы справилась. Съязвила бы в ответ что-то едкое, поставила бы хама на место, как делала уже сотню раз. Так почему его вмешательство не вызвало у меня привычного раздражения в духе «я сама справлюсь», а оставило после себя это странное, тёплое послевкусие?

Кружка, мокрая и скользкая, вывернулась из моих пальцев. Я ойкнула, но успела поймать её у самого дна раковины. Сердце колотилось как бешеное. Чёрт! К чёрту уборку.

Я выключила воду и пошла в комнату. Нужно было хотя бы разобрать сумку. Я открыла шкаф, чтобы повесить платье, и мой взгляд упёрся в то самое пустое пространство, где когда-то, кажется, в прошлой жизни, прятался от эксцентричной хозяйки мой будущий босс. Меня пробрал нервный смешок. Какая же нелепость! Всё это одна сплошная, бесконечная комедия.

Внезапно в дверь настойчиво позвонили. Я вздрогнула. Кого могло принести в такую рань, в субботу? В голове мелькнула совершенно идиотская мысль, от которой мне са-

мой стало смешно. Ну да, конечно, это он. Приехал договорить. Или попросить соли. Я закатила глаза на саму себя и поплелась к двери. Но в дверной глазок я увидела знакомый силуэт. Ленка. Моя личная служба спасения и главный поставщик офисных сплетен.

– Привет! Я тут мимо шла, – беззастенчиво соврала она, проскальзывая в квартиру с пакетом из кондитерской. – Решила заглянуть на чай с эклерами. Вижу, ты уцелела после корпоративного смерча.

– Почти, – пробормотала я, закрывая за ней дверь. – Только что чуть не разбила любимую кружку и вела внутренний диалог со шкафом. Кажется, у меня посттравматический синдром. Проходи на кухню.

Через пять минут мы уже сидели за столом, аромат бергамота постепенно вытеснял из моей головы все тревожные мысли, а Ленка, уплетая эклер, в красках рассказывала последние новости с полей.

– Ты не представляешь, что там началось после твоего ухода! Финансовый директор пытался танцевать лезгинку с цветком в горшке. А Катя из бухгалтерии, напившись шампанского, призналась в любви офисному охраннику. Гладила его по лысине и обещала всегда вовремя варить борщи. Народ снимал на телефоны, завтра весь корпоративный чат будет забит.

Я смеялась, и напряжение понемногу отступало. Ленка была лучшим антидотом от любых загонов.

– А теперь о главном, – она отодвинула пустую тарелку и заговорщицки понизила голос. – О нашем ледяном принце. Ты видела его лицо, когда он этого старого хрыча, Валеру, от тебя отшил? Я стояла у окна, всё видела. У него был такой вид, будто он не топ-менеджера отчитывает, а защищает последнюю на планете панду от браконьеров.

– Он просто защищал ценного сотрудника, – буркнула я, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более безразлично. – Я ему ещё нужна, чтобы довести «Плодородие» до ума. Чистый бизнес, никакой романтики.

– Ну да, ну да, – протянула Ленка, недоверчиво хмыкнув. – Бизнес... Знаешь, что самое интересное? Я за ним потом наблюдала. Специально. В исследовательских, так сказать, целях. Когда ты удрала по-английски, он ещё минут десять простоял на той веранде один. А потом вернулся в зал. И всё. Его как будто из розетки выдернули.

Я удивлённо подняла на неё глаза.

– В смысле – выдернули?

– А в прямом! – Ленка азартно подалась вперёд, её глаза блестели. – Он встал у колонны со стаканом воды и просто... завис. Вокруг него носятся люди, музыка орёт, генеральный толкает речь, а он смотрит в одну точку и ни на что не реагирует. С таким тоскующим видом, будто душа его покинула тело и улетела вслед за твоим такси. Он в эту минуту, Алинка, знаешь, на кого был похож? На мечтательную пятнадцатилетнюю девчонку, которая впервые влюбилась и теперь не

может собрать мысли в кучу. Я чуть не уржалась. Наш суровый Баринов, гроза дедлайнов, превратился в грустного Пьеро. Весь мир для него перестал существовать, когда ты сбежала с корпоративного бала.

Я не выдержала и рассмеялась. Громко, искренне, до слёз.

– Лен, всё, хватит! У тебя то ли шампанское ещё не выветрилось, то ли фантазия разыгралась до размеров сценария для Болливуда. Баринов и «мечтательная девчонка» эти слова из параллельных вселенных, которые никогда не пересекаются. Он, скорее всего, просчитывал в уме квартальный бюджет или думал, как бы ему всех нас уволить и заменить на роботов.

– Может, и так, – хитро прищурилась Ленка, допивая свой чай. – Но взгляд у него при этом был глупый и потерянный. Как у моего племянника, когда у него отобрали любимую игрушку. Ладно, пойду я. Мне завтра с утра как раз с этим «Пьеро» общаться по поводу новой рекламной кампании. Попробую разглядеть в его глазах вселенскую тоску по сбежавшей принцессе.

Мы посмеялись ещё немного, и я проводила её до двери. Вернувшись на кухню, я опустилась на стул. Квартира снова погрузилась в тревожную тишину. Я не верила ни единому слову Ленки. Это было смешно, до абсурда. Максим Баринов – циничный, холодный, расчётливый карьерист. Человек-функция и человек-КРІ.

Но... что, если?

Я подошла к окну и посмотрела на город. Что, если за этой ледяной бронёй действительно скрывается что-то ранимое и настоящее, что он так отчаянно пытается спрятать.

«Так, Егорова, стоп, – мысленно приказала я себе. – Немедленно прекрати писать в голове дешёвый любовный роман».

Но было поздно. Глупая, невозможная, абсурдная мысль уже пустила корни. И она почему-то согревала. И я, сама того не заметив, на одно короткое, крошечное мгновение позволила себе замечтаться. Просто представить, что где-то там, в своей огромной квартире, он сейчас тоже роняет всё из, пытаясь помыть любимую кружку. И думает не о квартальном отчёте, а обо мне.

Глава 8

После «философских» выходных моя жизнь снова вернулась в привычное русло. Офис, любимый и не повторимый и кофеин в промышленных масштабах. Хоть что-то не менялось.

Моя презентация по «Плодородию» произвела на совете директоров эффект разорвавшейся бомбы. Я буквально видела, как в их сознании щёлкают тумблеры. Сначала на лицах читался откровенный скепсис: «Что эта девочка нам тут рассказывает про укроп на подоконнике?». Затем его сменило удивление, когда цифры и аналитика начали складываться в стройную картину. И наконец, финальный аккорд – тот самый хищный, алчный блеск в глазах матёрых инвесторов. Они внезапно осознали, что на городских хипстерах, одержимых идеей всего органического, можно заработать в разы больше, чем на скучных поставках для гигантских агрохолдингов.

Мой дерзкий, почти хулиганский проект, который я состряпала из чистой злости и желания утереть нос Баринову, неожиданно для всех, и для меня в первую очередь, получил зелёный свет. Ему присвоили статус «приоритетного», что на нашем корпоративном языке означало «делать вчера».

Победа ощущалась сладкой, как запретный плод, но с отчётливым горьким послевкусием. Инвесторы, почуяв запах

лёгких денег, требовали немедленных, решительных действий. А это, в свою очередь, означало одно: срочную командировку в маленький городок в паре часов лёта от Москвы. Именно там, в сердце нашего основного производства, мне предстояло лично «внедрять» свежеиспечённую концепцию. Руководство, свято уверенное, что в регионах без пинка из столицы даже мухи не летают, было непреклонно: «Егорова – автор, ей и карты в руки. Пусть летит и покажет им там, как надо родину любить».

И вот в этот момент триумфа прозвучала фраза, от которой моя эйфория скукожилась до размеров изюминки.

– Я полечу с вами, Алина Викторовна, – объявил Максим на общем совещании. Тон у него был такой, будто он делал мне величайшее одолжение во всей истории человечества. – Необходимо лично проконтролировать финансовые аспекты на месте. Два дня, вторник-среда. Билеты закажут. Будьте готовы к вылету завтра в десять утра.

Командировка. С ним. На два дня. Вдвоём. Самолёт, отель, переговоры, ужины... Вселенная, ты обладаешь поистине извращённым чувством юмора. Внутри меня развернулась драма похлеще шекспировской. Одна моя половина, та, что поглупее, ликовала: «Он признал твою значимость! Он едет не как босс с подчинённой, а как с партнёром!». Другая же, разумная, билась в истерике, живописуя картины двух дней неловкого молчания, тяжёлых взглядов и моих отчаянных попыток не ляпнуть что-нибудь такое, за что меня мож-

но уволить прямо на трапе самолёта.

* * *

В самолёте мы сидели рядом, разумеется. Я с видом самого увлечённого в мире читателя уткнулась в какой-то детектив, а он раскрыл ноутбук. Но даже сквозь бумажные страницы я физически ощущала его взгляд. Это было похоже на лёгкий сквозняк по коже. Пару раз я, изображая крайнюю степень светской скуки, медленно поворачивала голову и ловила его за этим занятием. Он тут же дёргался и с преувеличенным интересом уставлялся в свои таблицы и графики, словно от них зависела судьба мира. Я не подавала виду, но внутри меня маленькая язвительная версия меня самой исполняла победный танец. «Ага, попался, голубчик! Смотришь, значит? Любопытно, значит?»

Городок встретил нас сонной, почти вязкой тишиной и одуряющим запахом цветущей сирени. Милый, пасторальный, будто сошедший с открытки про «счастливое советское детство». По плану нас должны были встретить представители местного филиала и доставить в офис. Но на парковке у крошечного аэропорта было абсолютно пусто. Ни машин, ни людей.

– Может, они решили, что мы сами найдём дорогу по запаху удобрений? – предположила я, озираясь по сторонам в поисках хоть каких-то признаков жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.